

© О.К. ЛАГУНОВА, Е.Л. ЮДИНЦЕВА

eleshenka@yandex.ru

УДК 821.161.1-31(09)

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА 1970-Х гг.:
ФЕНОМЕН МОЛЧАНИЯ В АСПЕКТЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»**

АННОТАЦИЯ. В статье впервые феномен молчания представлен как типологическое качество онтологических повестей Валентина Распутина.

SUMMARY. The article for the first time presents the phenomenon of silence as a typological quality of Valentin Rasputin's ontological narratives.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Валентин Распутин, онтологическая повесть, феномен молчания, свой-чужой.

KEY WORDS. Valentin Rasputin, ontological narrative, the phenomenon of silence, friend or foe.

В.Г. Распутин — одна из самых значимых фигур отечественной культуры второй половины XX века. В 2012 г. страна отметит 75-летие со дня рождения этого выдающегося мастера русской онтологической прозы. Феномен молчания — конститутивная черта мирообраза художника, которая еще не получила системного филологического описания.

Исследователи по-разному фиксируют роль молчания в русской коммуникации. С одной стороны, оно ценится, с другой — осуждается (М.Н. Эпштейн) [1]. Специалисты отмечают коммуникативную активность русских. В повестях Распутина представлен и отрицательный, и положительный смысл молчания.

Молчание негативно, когда общение между людьми нарушено. Связи слабы, люди испытывают стресс, вызванный жизненными обстоятельствами: война, трудное послевоенное время, страх перед будущим, растерянность. Вырастает новое поколение, которое не имеет связи ни с прошлым, ни с будущим, а живет только настоящим. В этих условиях люди становятся чужими друг другу, а общение между чужими затруднительно. Истинно своим можно признать только человека, живущего всю жизнь рядом и разделившего все несчастья и радости. С таким человеком общение будет легким и приятным, с ним не надо «доставать слова из себя». Слово объединяет, для этого оно и говорится, но оно же и разъединяет.

Молчание сближает сильнее слова, только с самым близким человеком можно говорить обо всем, но с ним же и молчать. В этом положительный смысл молчания. Говорить можно со всеми, но молчать только со своими. Чтобы сделать человека своим, нужно преодолеть порог молчания (чуждости), приблизить его к себе, впустив в свою душу, можно помолчать, продолжить общение на новом уровне. Таковы отношения старухи Анны и Миронихи. Они жили рядом всю жизнь, и даже теперь на пороге жизни Анна говорит Миронихе: «*Кажись, и жили долго, а и то не все друг дружке сказали, не наговорелись*» [2].

Кроме того, человек, по Распутину, должен общаться с самим собой. На это способны далеко не все. Это умеют Настена, старуха Анна, Дарья. В ожидании встречи с Андреем Настена останавливается: *«Надо привести душу в порядок, настроить на один лад и уж тогда двигаться дальше»* [3]. Но желанное успокоение не приходит, в душе беспокойство. Она считает, что у людей, которые не умеют всматриваться вглубь себя, все внутри «закаменело», и они уже не способны ничему радоваться, никого они не радуют своим присутствием в жизни.

Деревня — один большой коллектив. Здесь все знают друг друга, каждый связан со всеми. Эти связи чувствует Настена: *«Столько годов была привязана Настена к деревне, к дому, к работе, знала свое место, берегла себя, потому что и ею тоже что-то крепилось, стягивалось в одно целое»* [3; 50]. Жители одной деревни — «свои» между собой. Людей из других деревень считают чужими, общение с ними обычно сопровождается молчанием. Они просто живут рядом. Встретившись случайно, жители соседних деревень скажут друг другу слова приветствия, поговорят о погоде, но все это для приличия. По словам М. Эпштейна, такие разговоры несут нулевую информации, поэтому они могут быть приравнены к молчанию [1]. У К. Партэ также отмечается, что жители соседних деревень почти враждебно относятся друг к другу [4]. Живя бок о бок, люди знают все про всех. По мысли, Настены, Дарьи, старухи Анны, это нормальная жизнь. Кто живет в ладу с совестью, тому нечего скрывать (только свое, интимное). Это позволяет человеку ощущать свою связь со всеми, не испытывать одиночество, страх.

«Своих» в деревне не оставят в беде. Чужих принимают с опаской: *«Чужих не сильно примали»* [3; 226]. Как чужие в первое время воспринимались Надя, Настена. Андрей ведет Настену в люди: *«Ты не мной ходил хвалиться, а чтоб людей сразу узнала, чтоб не быть мне середь них чужой»* [3; 98]. Общение со «своими» должно основываться на слове, легком и идущем с самого сердца. Также и молчание со «своими» легкое, радостное.

В свете сказанного молчание является признаком ненормального хода жизни, нарушением некоей нормы общения. Рассмотрим, как жизнь героев повестей В. Распутина обволакивается молчанием.

Молчание входит в жизнь Андрея Гуськова и Настены именно как показатель их чуждости. Сам Андрей Гуськов считает себя своим. Все остальные также считают его своим, но на деле это не так. Андрей чувствовал себя чужим. Вот он уходит на войну: с родными простился дома, а в толпе прощающихся он один. И на войне он сам уходит от людей, ищет уединения. Его постоянное стремление к одиночеству привело к тому, что он выдернул себя из общей жизни. Ему кажется, что все вокруг виноваты в этом.

Андрей с начала повести выпадает из разряда своих. Его появление в деревне связано с несколькими пропажами: *«свои, деревенские, лыжи не взяли бы»; «кому чужому придет в голову заглядывать под половицу»* [3; 7, 8], но думают на чужих, свой бы тем более не взял. Все еще считают его за своего, поэтому на него никто не думает. Приходит он ночью (время общения с нечистой силой), в баню (зона общения с нечистой силой), сам он похож на оборотня (нечистую силу), все это говорит о том, что он более чем чужой. В статье Т.А. Агапкиной сказано, что в случае общения с нечистой силой нужно сохра-

нять молчание, чтобы не навредить себе и окружающим (Агапкина Т.А. // Славянская мифология. Молчание. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995). Сам герой говорит Настене: «*молчи!*». Сходство с нечистой силой усиливается внешним видом Андрея: «*Только бы я заставила тебя бороду сбрить, ты с ней какой-то чужой*» [3; 96]. Чтобы избавиться от этого ощущения, Настена хочет, чтобы он не походил на чужого, чтобы не молчать с ним.

Только Настена догадалась, кто виноват в пропажах, что позволяет предполагать, что они не были близкими людьми (поскольку она исключила его из разряда «своих»). Во время одной из их бесед Андрей говорит: «*Почему мы раньше ни разу вот так не поговорили? <...> Но не говорили же — ясное дело, нет. Только переговаривались, кому что надо, по пустякам, каждый день по пустякам*» [3; 96]. Может, они сами того не осознавая, были чужие друг другу, только пройдя через непростые испытания, они смогли «освоиться». За три с половиной года, пока Андрея не было, они снова стали «чужими»: «*Он, знакомый, близкий, родной Настене человек, и все же чужой, непонятный, не тот, кому она знала, что говорить и как спрашивать, и кого проводжала три с половиной года назад*» [3; 38]. Настена умом знает, что это близкий человек, с ним надо разговаривать, его надо любить, но в сердце не может преодолеть чуждость Андрея, они и ведут себя, как чужие: «*Они оставили в кошевке только банку с керосином, все остальное занесли в тепло. Потом отогнали Карьку вверх по речке за поворот, распрягли его там и подпустили к сену. И все молча, не лучше, чем чужие, обходясь самыми необходимыми словами, вроде «возьми» да «подай*» [3; 39]. Здесь Настена напоминает Люсю из «Последнего срока», которая также не может избавиться от мысли, что ее близкие, по сути, ей чужие. Но Настена всегда предпринимает попытки сблизиться. Она ведет себя к разговорам: «*Господи! О чем ты говоришь? Я же тебе не чужая*» [3; 39].

После того, как Андрей увидел отца, он окончательно понимает, что все связи с тем, что он считал родным, оборваны бесповоротно. Сторону своей бывшей деревни Андрей считает чужой: «*Сегодня это ни к чему: он на чужой стороне. На чужой? Усмехнувшись, Гуськов согласился с собой: да, на чужой — здесь надо держать ухо востро...*» [3; 116]. И сам с собой спорит: «*Он здесь не чужой — нет*» [3; 117]. В итоге размышлений о своей судьбе, Андрей приходит к выводу, что он чужой сам себе: «*Вот ведь как: на двоих, совершенно чужих друг другу людей досталась одна память, и никак ее невозможно поделить*» [3; 118]. В нем как бы два человека: Андрей прежний и Андрей теперешний, они разделены моментом побега. Тот был свой людям, а этот — чужой. Тот мог жить среди людей, но предпочитал одиночество: «*Лучше было бы спуститься вниз и присоединиться к своим, не ему одному было тошно*» [3; 22]. Этот хочет к людям, но не может, вынужден молчать в одиночестве.

Настена чувствует, как с появлением Андрея ее связи с обществом ослабевают. Появляется свобода, которой она не хочет, ведь это ведет к тому, что ей придется «*подглядывать, как живут другие, и жить наособь, под секретом*» [3; 59]. Так жить она не умеет. Появляется ощущение, что ее как бы выбрасывает из общей жизни.

Сближаясь с Андреем, Настена постепенно становится чужой людям: сначала просто ослабевают связи с обществом, потом она понимает, что теперь не может радоваться общему счастью, затем она начинает ощущать одиночество, чуждое ей раньше чувство. Потом, в конце концов, она понимает вдруг, что «чужая» в деревне: «Ее еще по привычке принимали за свою, а она уже была чужой, посторонней» [3; 69], и воспринимает она их как чужих: «Ей надо было идти, может, оттого и выиграла сегодня непогода, чтобы прикрыть ее от чужих глаз» [3; 74]. Она была своей, смогла за восемь лет стать своей людям, а теперь связи оборваны.

Жизнь в деревне — это коллективная жизнь. Здесь каждый связан со всеми, выпадение хотя бы одного больно бьет по всем. Жители деревни интуитивно чувствуют свою связь с общим целым миром. Естественным представителем такой жизни была Настена. Она живет для людей, жить вне этого мира она не может: не таясь, у всех на виду, чтобы про нее все знали, и она про всех все знает. Тогда и общение легче, нет места молчанию. Но вот ее муж, с которым она составляет единое целое, выпал из общей жизни. И с тех пор ее жизнь постепенно обволакивается молчанием, которое является следствием обмана, лжи, укрывательства. Показательна первая встреча Андрея и Настены после длительной разлуки. Казалось бы, сколько всего надо сказать друг другу, объяснить, успокоить словом близкого человека. Но встреча начинается со слова «молчи». Уже появлением Андрея в деревне жизнь Настены запрограммирована на молчание, ей нельзя рассказывать о муже, о себе, вообще есть необходимость что-то скрывать от односельчан, она вынуждена обманывать, что для нее противоестественно.

«Видно, она все-таки задремала, потому что не слышала шагов. Дверь вдруг открылась, и что-то, задевая ее, шебуриша, полезло в баню. Настена вскочила. — Господи! Кто это, кто? — крикнула она, обмирая от страха. Большая черная фигура на мгновение застыла у двери, потом кинулась к Настене. — Молчи, Настена. Это я. Молчи» [3; 10]. Это слово затем в тексте неоднократно повторяется:

«Голос был хриплый, ржавый, но нутро в нем осталось прежнее, и Настена узнала его. — Ты, Андрей?! Господи! Откуда ты взялся?! — Оттуда. Молчи. Ты кому говорила, что я здесь? — Никому. Я сама не знала» [3; 16].

Настена все больше отчуждается от людей, поэтому это слово («молчи») раскрывает характер ее теперешних взаимоотношений с односельчанами. Отношения ее с Андреем тоже нелегки, их разговоры часто сопровождаются молчанием. Понадобилось, чтобы они жили тайком от людей, чтобы понять, как они дороги друг другу, тайком, то есть тихо, в темноте: без звука, без света. Такое молчание сопровождается страхом, темнотой, причем тишина мертвая, мрак беспросветный, страх — почти ужас — перед миром, который внезапно стал чужим.

Казалось бы, они были в разлуке несколько лет. Несмотря на то, что произошло, должна же быть хоть какая-то капелька радости от встречи, не зря же Андрей решился на такой отчаянный шаг. А теперь, когда он пришел к жене, он по большей части молчит и ее заставляет. Настене и в принципе жилось несладко со свекровью, только каменное терпение Настены позволяло им ужиться.

Есть у них и минуты согласия, когда молчание является следствием объединения: *«И сами себе Андрей и Настена виделись в этот укромный час не настоящими, чужими — настолько покаянно и тихо, смиряя все вокруг, с полным прощением перед прощанием, отходил этот крутой, горячий день. И они в лад его смирению говорили тихо, почти шепотом. Разговор ни за что особенно не цеплялся и был ненатужным, легким, покачиваясь как маятник, который мог в одной стороне задержаться больше, в другой меньше, где хотел остановиться и снова задвигаться туда и сюда»* [3; 93]. Тут тишина близка к молчанию. Описана автором возможная связь с природной тишиной. Здесь Андрей и Настена чужие, но не друг для друга, а для всех остальных и чужие для себя, не такие, как раньше. Для цельной личности важно, чтобы прошлое, настоящее и будущее были единым целым, а не состояли из обрывков и кусочков.

Сближение все равно должно начаться с доброго и ласкового слова. А молчание будет потом, когда это единение будет достигнуто, вместе молчать тоже надо уметь, это могут делать только люди, действительно друг другу родные и (или) близкие. В первых разговорах Настена боится молчания, ведь оно показывает, насколько они далеки друг от друга, злится на себя, что не может найти нужных слов для мужа, чтобы установить с ним контакт, чтобы чувствовать свою близость с ним. Для нее это очень важно, поскольку является признаком нормальной жизни: *«Настена отвечала и слабой, отстранившейся своей памятью сама же не понимала, как может она обходиться этими случайными и пресными, ничего не выражающими словами — после трех лет разлуки, когда любой день грозил быть последним, и после того, что оборвав этот срок, свалилось на них теперь»* [3; 17].

В конце концов, Настене кажется, что она заняла чужое место, Андрею — что кто-то чужой влез в него и им помыкает. Настена до последнего пытается быть своей: ходит к людям, хотя понимает, что нельзя ей, она им чужая. Она молчит среди людей: ей кажется, что она всех обманывает и сама молчит, чтобы не сказать еще ложь. В отличие от Андрея, Настена не стала чужой до конца своим односельчанам: *«И предали Настену земле среди своих, только чуть с краешку, у покосившейся изгороди»* [3; 200], несмотря на то, что Настена приняла свою чуждость (утопилась).

Отношения чуждости вызывают молчание. Оно сопровождается злостью на людей, на себя, растерянностью, обидой (а у Настены еще и стыдом).

В «Последнем сроке» чужой себя чувствует старуха Анна — женщина, которая прожила долгую жизнь среди людей, всю себя отдавая работе. Одиночество она испытывает, находясь в одном доме со своими детьми. Сама для себя старуха кажется чужой (не с этого света, а с «того»): живет чужой жизнью, имеет чужое тело, занимает чужое место, последний день ненужный, чужой. Это отражено в словах Люси: *«И ты не будешь говорить, что ты чужой жизнью живешь. — Чужой и есть, — повторила свое старуха»* [2; 302].

Ее дети, формально являющиеся родственниками, почти не общаются: находясь в течение трех дней рядом, никто не пытается прервать молчание, все пущено на самотек. Каждый из них, по сути, одинок. Стихийно это понимает Михаил, достаточно осознанно об этом рассуждает Люся, но один заглушает душевную тревогу алкоголем, а другая отгоняет нехорошие мысли (нехорошие

в том плане, что они заставляют Люсю всмотреться в глубь себя, увидеть, что она в чем-то неправильно жила, что в конечном итоге повлечет необходимость менять привычную жизнь), пытается оправдать себя (я здесь человек посторонний). Она чувствует свою вину, но нет желания что-либо менять в своей жизни. Как отмечает С. Семенова, «дети Анны привыкли жить в механической заведенности жизни».

Вследствие этого молчание установилось в отношениях между поколениями. У них нет общих слов. Дети Анны якобы не хотят мешать ей, на самом деле они не знают, о чем говорить с матерью: *«Еще до Степана Илья зашел к матери — она дремала и не услышала его или сделала вид, что не слышит, а сама, быть может, исподтишка наблюдала за ним, и он обрадовался, что ему не пришлось с ней разговаривать, потому что не знал, что сказать; он не был пьян настолько, чтобы говорить все подряд»* [2; 359]. Страшно становится от того, что молчание их в принципе устраивает.

Самым близким ребенком старухи Анны была Таньчора. Но что с ней стало, почему она не приехала — все это умалчивается автором. Таньчора не была чужой людям, все время стремилась к ним, к общению. Но именно она многое переняла от чужих: *«В деревне как будто и не было такого слова [«мамынька»] — разве у кого от чужих переняла или услышала научивший голос во сне?»* [2; 370]. Она уехала жить к чужим людям в чужую сторону. Был момент, когда она чуть не переехала в чужую страну, за границу. Но даже и после этого она для старухи самая «своя». А другие дети рядом, но чужие. Они, сами того не осознавая, не могут остаться с матерью наедине.

Момент, где старуха учит Варвару петь прощальную песню, — момент возможного сближения матери и дочери, жестко прерывается Люсей: *«То, как сказала это Люся, ее голос, которому нельзя было не подчиниться, заставили замереть всех и остановили старуху: она испуганно умолкла...»* [2; 377]. Для матери смерть является органичным продолжением жизни, для Люси смерть — нечто страшное. Матери смерть не страшна, ей очень важно, что ее проводят, оплачут, как следует, Люсе страшно было даже думать о себе, о людях, о своей жизни. А если человек не жил, как следует, как того требует совесть, а жил всего лишь с оглядкой на людей, как они посмотрят и оценят, что скажут (Люся постоянно думает о том, что прилично, что нет), то и смерть страшна своей неизбежностью, необходимостью подводить какие-то итоги.

Дети Анны не только для своей матери чужие, они друг другу чужие. Они встречаются после длительной разлуки, и ни у кого из них нет особых эмоций от встречи: *«Вечером, на счастливо подгадавшем пароходе, который ходит только два раза в неделю, приехали городские — Илья и Люся. Михаил встретил их на пристани и повел в дом, где все они родились и выросли. Шли молча: Люся и Илья по узкому и шаткому деревянному тротуарчику, Михаил рядом, по комкам засохшей грязи»* [2; 258].

За все время нахождения их в доме матери, в доме, который был сделан их отцом, у родительского стола, не сказано доброго слова друг другу: либо они ругаются, либо молчат. Разговор у них не клеится: *«Илья спросил у Михаила, когда ему на работу, и Михаил ответил, что он на эти дни отпросился — слова выходили пресные, без особой надобности и не складывались в разговор»* [2; 275]. Как отмечает С.Г. Семенова, они боятся остаться наедине

с собой, и поэтому каждый чем-либо занят [5]. Три дня они находятся рядом, но по их отношениям нельзя сказать, что они друг другу родные. Ни слов радости от встречи, все их движения, жесты, поступки — от формального долга, о котором рассуждает Дарья. Люся вообще думает, что зря приехала.

Дети Анны одного поколения с Павлом, но между ними большая разница. Так, Павел рассуждает о происходящем в мире, мечется между двумя правдами, но думает, рассуждает, не обманывает себя: *«Может, и так. Где наша не пропадала. Вырулим. Обтерпимся, исхитримся. Где поддадимся маленько, где назад воротим свое. Были бы силы да не мешали бы мужику, он из любой заразы вылезет. Так, нет, я, Павел, говорю? Што молчишь? Павел курил, слушал и все больше, не понимая и ненавидя себя, терялся: говорила мать — он соглашался с ней, сказал сейчас Афанасий — он и с ним согласился, не найдя, чем можно возразить»* [2; 297].

Дети Анны испытывают тревогу, но думать об этом не хотят, потому что для этого нужен труд души, а они на это не способны. Казалось бы, им должно жить легче, чем их матери, которая смогла сберечь все лучшее и прекрасное в себе, несмотря на жестокости войны и трудности послевоенного времени. Старшее поколение вынуждено было заботиться о себе самостоятельно. В условиях войны у них сформировались устойчивые представления о жизни, о норме, о долге. У их детей нет той четкой картины жизни. Их жизнь была облегчена трудом их родителей. В итоге сформировалось облегченное отношение к жизни, появляется потребительское отношение к благам жизни. Старшее поколение заботилось о лучшем будущем для своих детей, нынешнее же живет как в последний раз, что станет с миром потом, как в этом мире будут жить их дети — это вопросы не для них. Младшее поколение идет сквозь жизнь сломя голову, не считаясь ни с чем ради сиюминутного удовольствия.

Молчание связано с вечностью, оно несет тайну бытия вечного в противовес кратковременному бытию человека, в котором нет какой-либо тайны: он придет в мир, и молча (без следа и неизбежно) покинет его. По мысли Распутина, отраженной в раздумьях Анны и Дарьи, связь с вечностью достигается через принадлежность к своему роду. От того, насколько слитным со своим родом ощущает себя человек, настолько прочным будет его связь с миром вечным. Человек оставляет след о себе в своих потомках, в их памяти. Так считают Михаил и Андрей Гуськов, но в отличие от мыслей старшего поколения, их ум направлен только в будущее: себя сохранить в потомках, связь с предками утеряна. Михаил стихийно чувствует эту связь:

«— Оно и незачем, а все равно. Вроде как на голое место вышел, и тебя отовсюду видать. — Михаил крутнул кудрявой головой, помолчал. — Опять же о своих ребятах если сказать. При живой бабке они все будто маленькие, и сам ты молодой, а теперь вот умри она, ребята сразу начнут тебя вперед подталкивать. Они же, холеры, растут, их не остановишь» [2].

Михаил тоже считает себя чужим в своей деревне, теперь все чужие друг другу, не видит он прежнего единства людей: *«А теперь каждый по себе. Что ты хочешь: свои уехали, чужие поехали. Я теперь в родной деревне многих не знаю, кто они такие есть. Вроде и сам чужой стал, в незнакомую местность переселился»* [2; 314]. Михаил вроде и понимает, что

происходит в жизни, может объяснить и себе, и Илье, но бороться с чувством боли и отчаяния предпочитает как все: на время глушит алкоголем. Его мать всегда думает о будущем, о других людях, о том, как она будет с ними жить. Михаила это не волнует: ему все чужие, он сам чужой и людям и себе. Ему жизнь в тягость. Он, как и старуха, любит работать, но работа теперь не та, что раньше. Тогда она доставляла удовольствие, теперь — это груз. Заметим, что он, как и Настена, говорит о связи людей в деревне: «*Сколько веревок нас держит и на работе, и дома, что не охнуть*» [3; 312], но воспринимает он эти связи как обузу, в то время как Настена нуждается в них, так она чувствует себя нужной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпштейн М.Н. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. №10. С. 202-222.
2. Распутин В.Г. Избранные произведения: В 2 т. Т.1. М.: Художественная литература, 1990. 413 с.
3. Распутин В.Г. Избранные произведения: В 2 т. Т.2. М.: Художественная литература, 1990. 445 с.
4. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / Пер. И. Чеканниковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004.
5. Семенова С.Г. Валентин Распутин. М.: Советская Россия, 1987. 175 с.